

*Посвящается Джону Л. Ленгмэну, который
отдал свое состояние и то, что он ценил
больше денег, на службу Отечеству
и облегчение страданий*

Предисловие

В течение Большой бурской войны в свет вышло примерно шестнадцать изданий этой работы, каждое из которых, надеюсь, стало несколько полнее и точнее предыдущего. Тем не менее я со всей ответственностью могу заявить, что несомненные ошибки в них были немногочисленны — мне ни разу не пришлось отказываться от высказанных суждений и весьма редко их корректировать. При подготовке к последнему изданию первоначальный текст подвергся тщательной редакции, и в него были включены все свежие сведения, насколько позволяло повествование объемом в один том. Относительно многих эпизодов заключительной части войны нельзя сказать, что доступных материалов было достаточно для детальной и завершенной хроники. Однако на основании официальных сообщений, газетных репортажей и многочисленных личных писем я сделал все, на что способен, чтобы дать ясное и правдивое изложение событий. Оно иногда может показаться слишком кратким, но следует учитывать разницу между сражениями 1899–1900 годов и столкновениями 1901–1902-го.

Мои информанты столь многочисленны, что было бы нереально, несмотря на все мое желание, назвать всех поименно. Из корреспондентов, в чьих работах я черпал информацию, я должен выразить особую признательность господам Берли, Невинсону, Бэттерсбау, Стюарту, Амери, Аткинсу, Бейли, Киннеиру, Черчиллю, Джеймсу,

Ральфу, Барнесу, Максвеллу, Пирсу, Гамильтону и другим. Отдельно отмечу представителя газеты «Стэндард», работавшего в последний год войны. Из всех дошедших до народа сообщений о событиях во Флакфонтейне, конвое Вондонопа и Твибоше только его корреспонденции были достоверными.

*Артур Конан Дойл
Андершоу, Хиндхед, сентябрь, 1902 год*

ГЛАВА 1

Бурские государства

Возьмите сообщество голландцев того типа, которые в течение пятидесяти лет противостояли всей мощи Испании, да еще в то время, когда эта страна была самой великой державой мира. Соедините с ними породу несгибаемых французских гугенотов, которые оставили собственные дома, бросили имущество и навсегда покинули свою страну после аннулирования Нантского эдикта¹. В результате, вне всякого сомнения, получится один из самых стойких, отважных и неукротимых народов, когда-либо обитавших на земле. Возьмите семь поколений этих мужественных людей и упражняйте их в постоянной борьбе с дикарями и свирепыми животными в условиях, при которых слабые не выживают. Предоставьте им возможность достичь исключительного мастерства в искусстве владения оружием и верховой езде. Дайте им территорию, в высшей степени подходящую для умелого охотника, меткого стрелка и наездника. Затем, наконец, закалите их боевые качества строгой фаталистичной ветхозаветной верой и страстным всепоглощающим патриотизмом. Соедините все эти качества и побуждения в одном человеке, и вы получите современного бура — самого серьезного противника, который когда-либо вставал на пути Британской империи. Наша военная история в значительной степени состоит из противостояний с Францией, однако Наполеон и все его опытные солдаты никогда не относились к нам с такой непримиримостью,

как эти непреклонные фермеры с их древней религиозностью и весьма современными винтовками.

Взгляните на карту Южной Африки. Там, в самом центре британских владений, как косточка в персике, лежит земля двух республик — обширная территория для столь небольшого количества людей. Как они там оказались? Кто эти германцы, так глубоко проникшие в Африку? Это старая история, но тем не менее ее придется рассказать еще раз, даже если наше повествование и не нуждается в обстоятельном вступлении. Нельзя узнать и понять бура, не принимая во внимание его прошлое, поскольку он таков, каким его сделала жизнь.

Первые голландцы обосновались на мысе Доброй Надежды примерно в то время, когда Оливер Кромвель находился в зените — в 1652 году, если уж быть абсолютно точным. Португальцы появились там раньше, но, устав от ужасной погоды и увлекаемые вперед слухами о золоте, они прошли мимо этого места и устремились дальше, чтобы поселиться вдоль восточного побережья. Золото там было, однако не так много, и эти португальские колонии так никогда и не стали источником благосостояния для метрополии, и не станут до того самого дня, пока Великобритания не подпишет огромный чек за залив Делагоа. На избранном португальцами побережье царила малярия. Сотни миль² ядовитых болот отделяли их от внутреннего плато со здоровым климатом. В течение столетий эти пионеры южноафриканской колонизации пытались проникнуть в глубь страны, но, следуя по течению рек, они не смогли далеко продвинуться. Кровожадные туземцы и тяжелые климатические условия преградили им дорогу.

Однако у голландцев все сложилось иначе. Климатические трудности, отпугнувшие португальского искателя приключений, стали для них источником успеха. Холод, бедность и бури воспитывают качества, достойные повелителей. Именно люди с промозглой и бесплодной земли взрастили детей света и пекла. Таким образом, в тяжелом климате на мысе Доброй Надежды голландцы

стали только сильнее и преуспели во всем. Они не пошли в глубь страны, потому что их было немного, а требовалось, чтобы все были рядом. Но они строили себе дома и снабжали Голландскую Ост-Индскую кампанию продовольствием и водой. Постепенно складывались небольшие городки: Винберг, Стелленбош, и вверх по склонам распространялись поселения, которые вели к большому центральному плато, простирающемуся на сто пятьдесят миль от гребня Кару к долине Замбези. Затем прибавились переселенцы-гугеноты — лучшая кровь Франции — всего три сотни, горстка самого отборного зерна, сброшенная, чтобы придать изящества и энтузиазма крепкой тевтонской породе. В истории норманнов, гугенотов, французских эмигрантов можно видеть, как великая рука снова и снова опускалась в этот амбар и одаривала народы великолепными семенами. Франция не основала новых стран, как ее великий соперник, однако она сделала все другие страны богаче при смешении с ее лучшими людьми. Ру, Дю Туа, Жубер, дю Плесси, Вильерс и десятка два других французских фамилий — самые привычные в Южной Африке.

В следующие сто лет история колонии представляет собой последовательное освоение африканерами огромных просторов, которые лежали к северу от них. Скотоводство стало товарным, а на территории, где шести акров земли едва хватает одной овце, даже для небольшого стада требовались обширные фермы. Шесть тысяч акров составляло обычную величину владения, за что правительству надлежало платить пять фунтов ренты в год. Болезни, принесенные белым человеком в Африку, как в Америке и Австралии, были для аборигенов смертельными, и эпидемия оспы очистила пришельцам пространство. Они продвигались все дальше и дальше на север, здесь и там основывая городки, такие как Грааф-Рейнет и Свеллендам. В них нидерландская реформатская церковь и магазин предметов первой необходимости объединяли вокруг себя немногочисленные

разбросанные жилища. Поселенцы уже выказывали самостоятельность и независимость от Европы, которая является их самой характерной чертой. Даже небольшое проявление власти голландцев (старшего, но менее значительного брата «Джон компании»³ в Индии) заставило их восстать. Правда, местный бунт почти не заметили из-за всемирного катаклизма, последовавшего за Французской революцией. Через двадцать лет (в течение которых мир был сотрясен титанической борьбой между Англией и Францией в финальном подсчете очков за игру и выплате ставок), в 1814 году, Капская колония была присоединена к Британской империи.

В нашем обширном собрании стран, пожалуй, нет другой страны, права Британии на которую были бы так же неоспоримы, как на эту. Мы владеем ею на двух основаниях — по праву завоевания и по праву покупки. В 1806 году британские войска высадились, разбили местную армию и захватили Кейптаун. В 1814 году мы выплатили штатгальтеру⁴ огромную сумму в 6 000 000 фунтов за передачу капской земли и некоторых других территорий. Возможно, эта сделка была заключена слишком быстро и недостаточно тщательно в происшедшем тогда общем переделе. В качестве пункта захода на пути в Индию место представлялось ценным, однако саму страну считали бесплодной и нерентабельной. Какова была бы позиция Каслрея или Ливерпуля, если бы они до конца представляли себе, что приобретается за наши 6 000 000 фунтов? В списке оказались бы как положительные, так и отрицательные моменты. Это девять ожесточенных Кафрских войн⁵, а также самые крупные в мире алмазные копи и богатейшие месторождения золота. Две дорогостоящие и весьма неприятные военные кампании против людей, которых мы уважаем, даже сражаясь с ними, и, наконец, теперь, как мы надеемся, мирная и процветающая Южная Африка с равными правами и обязанностями для всех в ней живущих. Нет сомнений, что будущее готовит нам много хорошего в этой земле.

Даже если просто принять во внимание прошлое, то появятся основания сказать, что мировое общественное мнение недооценивает нас, нашу силу и благосостояние, потому что британские владения на этой территории никогда не выходили за пределы радиуса действия наших корабельных пушек. Однако, конечно, самое трудное суть самое благородное, и, оглядываясь назад, наши потомки могут видеть, что эта долгая борьба, со всеми ее неудачами и успехами, потоками крови и сокровищ, всегда велась с высокой и благородной целью.

Документы, подтверждающие наши права владения, как я уже говорил, бесспорны, однако в их положениях есть одно прискорбное упущение. С трех сторон границы территории определяет океан, однако с четвертой — граница не оговорена. Нет и слова о «районах, расположенных вглубь от прибрежной полосы», поскольку ни о термине, ни о самом вопросе тогда и не думали. Купила ли Великобритания обширные районы, простирающиеся за пределами поселений? Или за недовольными голландцами осталось право продвинуться вглубь и создать новые государства, чтобы преградить путь англо-кельтским колонистам? В этом вопросе находится исток всех последующих проблем. Американец мог бы понять суть спорного момента, если бы представил себе, будто после основания Соединенных Штатов голландские жители штата Нью-Йорк ушли на запад и создали новые сообщества под другим флагом. Затем, заселив эти западные штаты, американские граждане столкнулись бы с той самой проблемой, которую приходится решать нам в Южной Африке. Если бы они обнаружили, что новые государства настроены антиамерикански и всячески препятствуют прогрессу, то, несомненно, испытали бы те затруднения, которые приходится преодолевать нашим политикам.

В момент перехода под британский флаг количество колонистов — голландцев, французов и немцев — приближалось к 30 000 человек. Они являлись рабовладельцами, и рабов насчитывалось не меньше,

чем их самих. Перспективы полного слияния британцев и первопоселенцев не вызывали сомнений, поскольку это были люди одного корня и их мировоззрение различалось лишь степенью фанатизма и нетерпимости. В 1820 году туда доставили 5000 британских поселенцев, их расселили на восточных границах колонии, и с этого времени начался медленный, но постоянный приток англоговорящих жителей. Британское правление отмечено как историческими просчетами, так и историческими достоинствами. Оно было мягким, основанным на законе, нравственным, бестактным и непоследовательным. В целом оно могло бы стать прекрасным, если бы оставило все как есть. Изменять же заведенный порядок жизни наиболее консервативного из германских народов было предприятием опасным, оно повело к многочисленным осложнениям, которые и составили бурную историю Южной Африки.

Имперское правительство всегда придерживалось благородно гуманных взглядов на права аборигенов и считало своим долгом отстаивать закон. Мы полагаем (и справедливо), что британская Фемида должна быть если не абсолютно слепой, то, по крайней мере, не различать цвета кожи. Сия точка зрения безукоризненна в теории и совершенно неопровержима, однако, по всей вероятности, вызывает раздражение, когда бостонский моралист или лондонский филантроп навязывают ее людям, чье общество построено на постулате, что негры — низшая раса. Такие люди предпочитают самостоятельно совершенствовать свои нормы морали, а не получать их от тех, кто живет в абсолютно других условиях. Они считают (и не без оснований), что это есть легкая форма добродетели — из безмятежности упорядоченной жизни в домах на Бейкон-стрит или Белгрейв-сквер⁶ указывать, каковы должны быть отношения между белым хозяином и его полудикими работниками. Обе части англо-кельтской нации начали разбираться в этом вопросе, и все попали в неприятное положение.

Британское правительство в Южной Африке всегда играло непопулярную роль друга и защитника чернокожих слуг. Именно по этому поводу возникли первые разногласия между старыми поселенцами и новой администрацией. Бунт с кровопролитием произошел после того, как одного голландского фермера арестовали за жестокое обращение со своим рабом. Выступление подавили, а пятерых участников повесили. Такое наказание было чрезмерно суровым и весьма неразумным. Отважный народ может забыть потери в сражениях, но жертв виселицы — никогда. Создание политических мучеников — самое большое безумие для государственной власти. Правда, и человек, осуществивший арест, и судья, приговоривший арестованных, были голландцами, а британский губернатор выступал на стороне милосердия, но все это впоследствии было забыто в стремлении нажать на инциденте расовый капитал. Оставшаяся стойкая обида проявилась после налета Джеймсона. Тогда казалось, что руководителей этого злосчастного предприятия могут повесить, и совершенно очевидно проводилась параллель от фермерского дома в Кукхаус-Дрифте к Претории — англичане должны умереть, как умерли голландцы в 1816 году. Слактерс-Нек⁷ ознаменовал расхождение путей британского правительства и африканеров.

Вскоре раскол стал еще более явным. Происходили различные манипуляции в органах местного самоуправления, голландцев заменяли англичанами в судах. Проявив щедрость за чужой счет, английское правительство назначило чрезвычайно мягкие сроки наказания племенам кафров, которые в 1884 году совершали набеги на приграничные фермы. А затем, ко всему прочему, в том же году в Британской империи отменили рабство, что раздуло тлеющее недовольство в настоящее пламя.

Следует признать, что конкретно в этом случае британский филантроп был готов платить за то, что считал справедливым. Отмена рабства являлась благородной государственной акцией, ее моральная составляющая

опередела свое время, британскому парламенту пришлось ассигновать огромную сумму в двадцать миллионов фунтов стерлингов на выплату компенсации рабовладельцам и таким образом ликвидировать зло, к которому метрополия не имела прямого отношения. Ясно, что следовало бы делать это непосредственно там, где существовало рабство. Если бы мы подождали создания в соответствующих колониях собственных правительств, то не пришлось бы осуществлять отмену конституционными методами. Однако, поворчав, добропорядочный британский домовладелец достал из кармана кошелек и заплатил за то, что полагал правильным. Если Божья милость сопутствует добродетельным поступкам, которые не приносят ничего, кроме печалей, то нам можно надеяться на нее в связи с этим освобождением. Мы потратили деньги, мы нанесли ущерб своим западноиндийским колониям, и мы породили недовольство в Южной Африке, которому не видно конца. Тем не менее, если бы пришлось решать все снова, нам, бесспорно, следовало бы повторить этот поступок. Высшая мораль может оказаться также высшей мудростью, когда история подходит к своему завершению.

Однако детали сей меры были не столь достойны уважения, как сам принцип. Ее осуществили настолько внезапно, что страна не имела времени приспособиться к новым условиям. Южной Африке выделили 3 000 000 фунтов стерлингов, что давало за раба от 60 до 70 фунтов — сумму, значительно уступающую сложившимся к тому времени местным ценам. К тому же выплату компенсации решили производить в Лондоне, поэтому фермеры продавали свои иски посредникам по сниженной цене. В каждом небольшом городке и каждом лагере скотоводов на Кару происходили массовые митинги протеста. Возродился старый голландский дух — дух, который сносит все преграды. Бунт был бессмысленным. Однако к северу от них простирались бескрайние незанятые земли. Кочевая жизнь не пугала

этих людей, как и жизнь в огромных воловьих повозках, похожих на те, в которых некогда их предки появились в Галлии, — одновременно и средство передвижения, и крепость. Одну за другой повозки нагружали, запрягали большие упряжки, женщин сажали внутрь, мужчины с длинноствольными винтовками шагали рядом — и начался великий исход. Стада и гурты следовали за переселенцами, собирать и вести их помогали дети. Один оборванный маленький мальчишка лет десяти тоже щелкал бичом позади волов. Он был частью отдельной группы, однако представляет для нас особый интерес, потому что его имя — Стефанус Паулус Крюгер — будущий президент Южно-Африканской Республики.

Это был странный исход, в современную эпоху его можно сопоставить разве что с выступлением мормонов в поисках обетованной земли Юты. В северном направлении местность была известна и немного заселена только до реки Оранжевая, а за рекой лежал обширный район, куда проникали лишь отважные охотники или отчаянные первопроходцы. Так случилось (если на самом деле в серьезных предприятиях присутствует случай), что победитель — зулус — пронесся по этой земле не задерживаясь, остались только карлики-бушмены, страшные туземцы, самые низкорослые представители рода человеческого. Там для переселенцев были хорошие пастбища и плодородная земля. Двигались они небольшими группами, но общее их количество было значительным, по свидетельству их историка, от шести до десяти тысяч, что составляло примерно четверть всего населения колонии. Некоторые из первых отрядов погибли. Многие остановились в районе высокой горы восточнее Блумфонтейна, создали там свой центр и впоследствии организовали Оранжевое Свободное Государство. Другую часть переселенцев отрезали грозные матабеле, племя из большого народа Зулу. Выжившие объявили им войну, и уже в этой первой своей военной кампании они проявили высочайшее мастерство менять тактику в зависимости

от противника, это является их важнейшим боевым качеством. Отряд (коммандо), выступивший на битву с матабеле, насчитывал, говорят, 135 фермеров. Противник имел 12 000 копыеносцев. Они сошлись у реки Марико, недалеко от Мафекинга. Буры настолько искусно сочетали использование лошадей и ружей, что побили треть врагов, не потеряв ни одного из своих товарищей. Они галопом приближались к противнику, давали залп, а затем отходили, прежде чем копыеносцы успевали их достать. Когда дикари пускались в преследование, буры отступали. Когда погоня захлебывалась, буры останавливались и ружейный огонь начинался снова. Стратегия простая, но исключительно эффективная. Вспоминая, как часто с тех пор наши собственные кавалеристы сражались с дикарями в разных частях мира, горько сожалеешь о приверженности военным традициям, характерной для нашей армии.

Эта победа фoorтреккеров⁸ расчистила территорию между реками Оранжевая и Лимпопо, части которой стали известны под названиями Трансвааль и Оранжевое Свободное Государство. Тогда же еще одна часть переселенцев нагрянула в район, теперь известный как Наталь, и разбила Дингаана, великого вождя зулусов⁹. Поскольку с ними были семьи, они не имели возможности применить конную тактику, показавшую себя эффективной против матабеле, и снова проявили способность учитывать ситуацию. Они встретили зулусских воинов в каре из повозок — мужчины стреляли, пока женщины заряжали. Было убито шесть бюргеров и три тысячи зулусов. Если бы подобную тактику использовали против тех же самых зулусов через сорок лет, нам не пришлось бы скорбеть о бедствии у Изандлваны¹⁰.

И теперь, в конце долгого пути, преодолев расстояния, врагов и превратности природы, буры увидели то, о чем мечтали меньше всего, и, чтобы уклониться от этого, они прошли так далеко, — флаг Великобритании. Буры захватили Наталь изнутри, но Англия еще раньше сделала это с моря, и небольшая колония англичан осела

в Порт-Натале, теперь известном как Дурбан. Местное правительство, однако, действовало нерешительно, и только захват Наталя бурами заставил его объявить эту территорию британской колонией. Одновременно был провозглашен непопулярный принцип невозможности для британского гражданина по собственному желанию отказаться от подданства, и странствующие фермеры, куда бы они ни пошли, все равно остаются пусть первопроходцами, но британских колоний. Чтобы подчеркнуть сей факт, в 1842 году в современный Дурбан были высланы три роты солдат — обычный маленький отряд, с которым Великобритания учреждает новое владение. Эту горстку людей буры подстерегли и разбили, с тех пор так очень часто делали их потомки. Однако уцелевшие укрепились и удерживали оборонительный рубеж (так же, как их потомки) до тех пор, пока не прибыло подкрепление, и фермеры рассеялись. Поразительно, как одинаковые факторы всегда будут показывать в истории одинаковые результаты. В этой первой схватке — отображение всех наших военных столкновений с этими людьми. Нерасчетливое настойчивое наступление, поражение, бессилие фермеров против самых слабых оборонительных сооружений — та же самая история снова и снова, различающаяся лишь в степени значительности. Наталь с того времени стал британской колонией, и большая часть буров с горьким сердцем отправилась в запряженных волами фургонах на север и восток, чтобы рассказать о несправедливости своим собратьям в Оранжевом Свободном Государстве и Трансваале.

Имели ли они основания говорить о несправедливости? Сложно подняться на ту высоту философской отстраненности, которая позволяет историку абсолютно беспристрастно судить о событиях, в которых одной из сторон спорного вопроса является его собственная страна. Однако мы по меньшей мере можем допустить, что у нашего противника есть свои аргументы. Захват британцами Наталя, безусловно, не носил определенного характера,

и это они, а не мы первыми подорвали власть кровожадных зулусов, распространявшуюся на всю страну. После столь тяжелых испытаний и таких значительных побед им было тяжело отступить от завоеванной плодородной земли и возвратиться на бедные горные пастбища. Буры ушли из Наталя с тяжелым чувством обиды, с тех самых пор отравившим наши отношения. Это небольшое столкновение солдат и переселенцев было в определенном смысле знаменательным событием, поскольку бурам преградили путь с моря, ограничив их притязания на землю. Если бы они шли другим путем, к морским державам присоединился бы новый и, вероятно, весьма грозный флаг.

Прибывшие из Капской колонии пополняли ряды переселенцев, занимавших огромное пространство между реками Оранжевой на юге и Лимпопо на севере, пока их не стало 15 000. Это население размещалось на территории, равной Германии и превосходящей Пенсильванию, Нью-Йорк и Новую Англию. Форма правления у них была — либеральная демократия, почти исключаящая какое-либо единство. Войны с кафрами и страх вместе с неприязнью к британскому правительству, кажется, было единственным, что связывало их друг с другом. Они, как яйцеклетка, делились и размножались внутри собственных границ. Трансвааль был полон небольших крепких и в высшей степени горячих общин, которые ссорились между собой так же неистово, как они делали это с властями в Капской колонии. Лиденбург, Зоутпансберг и Почефстром находились на грани войны друг с другом. На юге, между Оранжевой рекой и Ваалем, вообще не было никакой формы правления: неуправляемая масса голландских фермеров, басуто, готтентотов и метисов хронически пребывала в состоянии брожения, не признавая ни британской власти к югу от них, ни Трансваальских республик к северу. В конце концов хаос стал невыносимым, и в 1848 году в Блумфонтейн ввели войска и присоединили этот район к Британской империи. В Боомплатсе переселенцы оказали тщетное

сопротивление и после единственного поражения позволили ввести себя в круг цивилизованных норм жизни.

В это время Трансвааль, где осело большинство буров, желал официального признания своей независимости, и британские власти решили предоставить его раз и навсегда. Огромная бесплодная земля, порождавшая разве что метких стрелков, не представляла интереса для Министерства по делам колоний, которое тяготело к ограничению своих обязанностей. Стороны подписали Сандриверскую конвенцию — один из важных моментов в южноафриканской истории. По этой конвенции британское правительство гарантировало бурским фермерам право самостоятельно вести дела в соответствии с собственными законами, без какого-либо вмешательства со стороны британцев. В качестве особого условия Британия оговорила, что не должно быть рабства, и этим умыла руки относительно этого вопроса в целом, как ей казалось, окончательно. Так официально родилась Южно-Африканская Республика.

На следующий год после подписания Сандриверской конвенции вторая республика — Оранжевое Свободное Государство (провинция) — была создана в результате добровольного ухода Великобритании с территории, которую она занимала в течение восьми лет. Восточный вопрос уже становился чрезмерно острым, и все люди видели надвигающуюся тучу большой войны. Британские официальные лица чувствовали, что имеют большие обязательства во всех частях мира, а южноафриканские присоединения, имея спорную ценность, всегда несли с собой проблемы. Против воли значительной части населения (большинства или меньшинства — сказать невозможно) мы вывели свои войска так же дружелюбно, как римляне ушли из Британии, и предоставили новой республике полную самостоятельность. На основании петиции против вывода войск правительство метрополии ассигновало тогда 48 000 фунтов стерлингов для компенсаций пострадавшим от этой перемены. Какие бы исторические претензии ни

имел к Великобритании Трансвааль, мы по меньшей мере можем утверждать, что перед Оранжевым Свободным Государством наша совесть абсолютно чиста, исключая, возможно, один момент. Таким образом, в 1852 и 1854 годах родились сильные государства, способные какое-то время держать на расстоянии объединенные силы империи.

Тем временем Капская колония, несмотря на эти отделения, процветала, и ее население (голландцы, англичане и немцы) к 1870 году превысило 200 000 человек, голландцы все еще немного преобладали. Согласно колониальной политике либеральной партии Великобритании, пришло время отпустить поводок и позволить молодому государству действовать самостоятельно. В 1872 году ему предоставили полную автономию. Губернатор, как представитель королевы, сохранил формальное неиспользуемое право вето законодательства. По этой системе голландское большинство колонии могло привести к власти своих представителей и руководить в соответствии с голландскими традициями, оно так и сделало. Была восстановлена голландская судебная система, а голландский язык получил в стране статус официального наравне с английским. Исключительная толерантность и последовательность осуществления этих мер (как бы ни противоречили они представлениям англичан) послужили одной из главных причин сильного негодования в Капской колонии по поводу притеснения британских поселенцев в Трансваале. Голландское правительство управляло британцами в их же колонии, в то время как буры не желали допускать англичанина до выборов в муниципальный совет города, который он сам построил. Однако, к сожалению, несведущий бурский фермер продолжал воображать, что его южные родственники находятся в рабской зависимости, так же как отпрыск ирландского эмигранта все еще рисует себе Ирландию под гнетом карательных законов и чуждой церкви.

В течение двадцати пяти лет после Сандриверской конвенции бюргеры Южно-Африканской Республики вели

напряженную и бурную жизнь, непрерывно сражаясь с неграми и время от времени между собой, иногда совершая неудачные нападения на небольшую голландскую республику на юге. Субтропическое солнце производило новые ферменты в спокойной фризской крови, создавая народ, который соединил темпераментность и раздражительность юга с грозной стойкостью севера. Страстная энергия и горячие амбиции порождали соперничество, достойное средневековой Италии, а история раскольниковых маленьких общин живо напоминает главу из Гвиччардини¹¹. Произошла дезорганизация. Бюргеры не желали платить налоги, казна не пополнялась. Агрессивное племя кафров угрожало им с севера, зулусы — с востока. Английские сторонники преувеличивают, представляя, будто наше вмешательство спасло буров, поскольку нельзя, прочитав их военную историю, не увидеть, что они являлись достойными соперниками зулусам и секукуни вместе взятым. Однако масштабное нашествие, безусловно, назревало, а разбросанные фермы были так же открыты для кафров, как наши фермерские усадьбы в американских колониях, когда индейцы выходили на тропу войны. После трехмесячного изучения ситуации британский комиссар Теофилес Шепстон разрешил все вопросы формальной аннексией страны. Тот факт, что он овладел ею отрядом человек в двадцать пять, показывает его искреннее убеждение в том, что не следует опасаться какого-либо вооруженного сопротивления. Таким образом, в 1877 году была полностью аннулирована Сандриверская конвенция и открыта новая глава в истории Юга.

В тот момент не чувствовалось какого-либо сильного неприятия этого присоединения. Людей угнетали проблемы, они устали от раздоров. Президент Бюргер подал официальный протест и поселился в Капской колонии, где получал пенсию от британского правительства. Меморандум против аннексии собрал подписи большинства бурских жителей, однако существовало значительное меньшинство, которое придерживалось

противоположной точки зрения. Сам Крюгер принял оплачиваемую должность при правительстве. Все говорило за то, что, если управлять людьми разумно, под британским флагом они успокоятся. Утверждают даже, что все и сами попросили бы о присоединении, если бы мы немного повременили. При безотлагательном учреждении конституционного правительства, возможно, даже самые непримиримые из них склонились бы к тому, чтобы подавать свои протесты в избирательные урны, а не в тела наших солдат.

Однако империи всегда не везло в Южной Африке, а в этом случае — особенно. Хотя и не по причине недобросовестности, а просто из-за загруженности и медлительности обещания не были выполнены сразу. Наивные простые люди не понимают методов наших ведомств и считают уклончивость бюрократизмом и тупостью. Если бы трансваальцы подождали, они получили бы свой фольксраад и все, чего желали. Однако британскому правительству требовалось уладить некоторые другие местечковые вопросы, избавиться от секукуни и разбить зулусов, прежде чем приступить к выполнению обещаний. Такая проволочка вызвала острое негодование. Ко всему прочему мы неудачно выбрали губернатора. Бюргеры — простодушная братия, и они любят время от времени посидеть за чашечкой кофе с равнодушным человеком, который старается ими руководить. Триста фунтов стерлингов в год на кофе, выделяемые Трансваалем своему президенту, отнюдь не проформа. Мудрый руководитель будет разделять дружелюбные и демократичные обычаи народа. Сэр Теофилес Шепстон делал это. Сэр Оуэн Ланион — нет. Не было ни фольксраада, ни кофе, и народное недовольство быстро нарастало. За три года британцы разбили две угрожавшие стране орды дикарей. Финансовые дела тоже были восстановлены. Аргументы, делавшие присоединение привлекательным, были ослаблены той самой властью, которая больше всего была заинтересована в их усилении.

Нельзя не подчеркнуть, что при этой аннексии — отправной точке наших проблем — Великобритания, как бы она ни ошибалась, не имела явного эгоистического интереса. В те дни еще не было ни копей Ранда, ни чего бы то ни было другого, чтобы прельстить алчных людей. Пустая казна и две войны с аборигенами — вот все, что мы получили. Британцы действительно считали, что страна находится в чрезвычайно расстроенном состоянии, не может управлять своими делами и превратилась, вследствие слабости, в кошмар и угрозу для соседей. В нашем поступке не было ничего низкого, хотя он, наверное, являлся и опрометчивым, и своевольным.

В декабре 1880 года буры восстали. Каждая ферма выставляла своих стрелков, место сбора находилось возле ближайшего британского форта. По всей стране бюргеры взяли в осаду наши небольшие отряды. Стандертон, Претория, Почефстром, Лиденбург, Ваккерстроом, Рустенберг и Марабастад — все были окружены, и все продержались до конца войны. На открытой местности нам везло меньше. Под Бронхорст-Спруитом небольшой британский отряд захватили врасплох и расстреляли без потерь со стороны противника. Оперировавший их хирург оставил запись, что среднее количество ран составляло пять на человека. Под Лаингс-Неком уступавшее в численности соединение британцев предприняло попытку взять штурмом высоту, удерживаемую бурскими стрелками. Половина наших солдат погибла и получила ранения. Исход столкновения под Ингого можно назвать неопределенным, хотя мы понесли более тяжелые потери, чем противник. И наконец, произошло поражение у Маджуба-Хилла, где 400 пехотинцев на горе были разбиты и сброшены толпой снайперов, которые подступили, скрываясь за камнями. Все эти события являлись не более чем столкновениями, и, если бы за ними последовала конечная британская победа, о них теперь вряд ли кто-нибудь помнил. Однако тот факт, что эти столкновения достигли своей цели, придало им преувеличенное значение. Кроме того, они

могут возвещать о наступлении новой военной эры, потому что сделали очевидным урок (правда, слишком плохо нами усвоенный), что солдата делает меткая стрельба, а не общая строевая подготовка. Поражает, что, получив такой опыт, британские военные власти продолжали предоставлять для стрельб только 300 патронов в год и поощрять механистическую стрельбу залпами, которая не подразумевает никакой конкретной цели. Первая бурская война дала много в плане опыта (как в тактике, так и в стрелковом деле), чтобы подготовить солдата ко второй. Значение конного стрелка, меткая стрельба на разную дальность, искусство укрываться — на все это не обратили должного внимания.

За поражением у Маджуба-Хилла последовала полная капитуляция правительства Гладстона¹², поступок и самый малодушный, и самый благородный в новейшей истории. Превосходящие британские силы были на месте, и командующий объявил, что враг у него в руках. Эти фермеры уже нарушали наши военные расчеты, и, возможно, задача Вуда и Робертса оказалась бы труднее, чем они предполагали, но, по крайней мере, на бумаге все выглядело так, что врага можно разбить без особых осложнений. Так считала общественность, но тем не менее она, как и политики, согласилась остановить поднятый меч, несомненно, по моральным и христианским соображениям. Народ считал, что аннексия Трансвааля была явной несправедливостью, что эти фермеры имели право на свободу, за которую сражались, что для великой нации недостойно продолжать несправедливую войну ради военного реванша. Это было проявлением высокого идеализма, но его результат не вдохновляет на повторение подобного.

5 марта 1881 года заключили перемирие, которое вылилось в мирный договор 23-го числа того же месяца. Правительство, уступив силе (что оно неоднократно отрицало для создания благоприятного образа), ошибочно пошло на компромисс. В политике идеализма и христианской морали нужно было идти до конца, если уж вообще

вставать на этот путь. Ясно, что если аннексия была несправедливой, то Трансвааль следовало вернуть в состояние, в котором он находился до нее в соответствии с Сандриверской конвенцией. Однако правительство почему-то не пожелало заходить так далеко. Оно спорило по мелочам, играло словами и торговалось, пока новое государство не превратилось в странный гибрид, какого еще никогда не видел мир. Республика, которая являлась частью монархии, находилась в юрисдикции Министерства по делам колоний и фигурировала в разделе новостей газеты «Таймс» под заголовком «Колонии». Она была суверенной и тем не менее стала субъектом какого-то нечеткого созеренитета, границы которого никто и никогда не мог определить. В общем, своими положениями и упущениями заключенная в Претории конвенция доказывает, что в тот несчастливый 1881 год наши политические дела велись так же скверно, как и военные.

С самого начала не вызывало сомнений, что столь непоследовательное и спорное соглашение не может быть окончательным. В самом деле, еще не высохли чернила, которыми его подписали, как началось активное движение за его пересмотр. Буры полагали (и справедливо), что если их оставляют бесспорными победителями в войне, то они должны получить все плоды победы. С другой стороны, самой серьезной проверке подверглась лояльность англоязычных колоний. Гордая англо-кельтская порода не привыкла сносить унижения, а действия правительства превратили их в побежденных. Хорошо было жителю Лондона успокаивать свою задетую гордость мыслью, что он совершил благородный поступок, однако совсем иначе чувствовал себя британский колонист в Дурбане или Кейптауне. Он оказался униженным перед голландским соседом, не желая того сам, ведь его мнения по этому поводу даже не спросили. У него осталось неприятное чувство уязвленного достоинства, которое, возможно, постепенно утихло бы, трактуй Трансвааль этот документ так, как предполагалось.